

Замѣтки петроградскаго обывателя во время русско-нѣмецкой войны.

1-ю октября. Наборъ нынѣшняго года проходитъ при необычайныхъ условіяхъ. Про этотъ наборъ одно лицо пишетъ изъ деревни: „много лѣтъ я присутствую при церемоніи призыва на службу; того же, что вижу теперь, еще никогда не бывало: не только нѣтъ ухищреній и отвертокъ, но нѣкоторые забракованные молодые люди усиленно домогаются о принятіи ихъ на службу для участія на войнѣ.

„Парни явились на призывъ франтовато одѣтые, какъ никогда до этой поры“.

Что же касается до призыва ратниковъ, то за послѣднее время намъ приходилось встрѣчать многочисленныя партіи ратниковъ, слѣдующихъ по разнымъ улицамъ Петрограда съ веселыми пѣснями.

Ученіе ратному строю на Петроградскихъ площадяхъ и плацахъ идетъ весело, съ большимъ оживленіемъ, и всѣ учащіеся съ восторгомъ подхватываютъ громовое „ура!“.

Повсюду дѣти играютъ въ войну, при чемъ никто не желаетъ быть нѣмцемъ.

Таковы въ настоящее время въ Россіи новобранцы и ратники. Является вопросъ, каковы же запасные „дяди“, какъ ихъ называли въ Японскую войну. Приводимъ здѣсь очень характерный поступокъ запаснаго. Въ штабъ недавно прославившейся геройской обороной крѣпости Осовець явился рядовой, артиллеристъ Роговой, и заявилъ, что онъ бѣжалъ въ Осовець изъ Севастопольской крѣпости.

На дознаніи онъ показалъ слѣдующее:

До увольненія въ запасъ онъ служилъ въ Осовецкой крѣпостной артиллеріи, а теперь, по призыву, его назначили въ

Севастопольскую крѣпостную артиллерію. Здѣсь Роговой прочелъ, что онъ (непріятель) бомбардируетъ его любимую крѣпость Осовець, которой онъ присягалъ во время службы, и обязанъ по присягѣ защищать ее до послѣдней капли крови. На основаніи послѣдняго, онъ просилъ начальство отпустить его изъ Севастополя въ Осовець, на что начальство не изъявило согласія.

Это такъ огорчило Рогового, что онъ заболѣлъ и слегъ въ госпиталь. По выздоровленіи онъ рѣшилъ бѣжать и съ увольнительной запиской изъ госпиталя прямо направился на вокзалъ, на четвертый день пріѣхалъ въ штабъ Осовецкой крѣпости, и явился, показавъ увольнительную изъ госпиталя записку, какъ документъ того, что онъ никуда не заѣзжалъ, а прямо отправился въ Осовець, чтобы согласно принесенной присягѣ защищать отъ „него“ свою любимую крѣпость.

Каковъ примѣръ непогрѣдившаго пониманія своего служебнаго долга! Конечно нельзя было судить его поступокъ, какъ бѣгло, и его представили на благовоззрѣніе Верховнаго Главнокомандующаго о помилованіи.

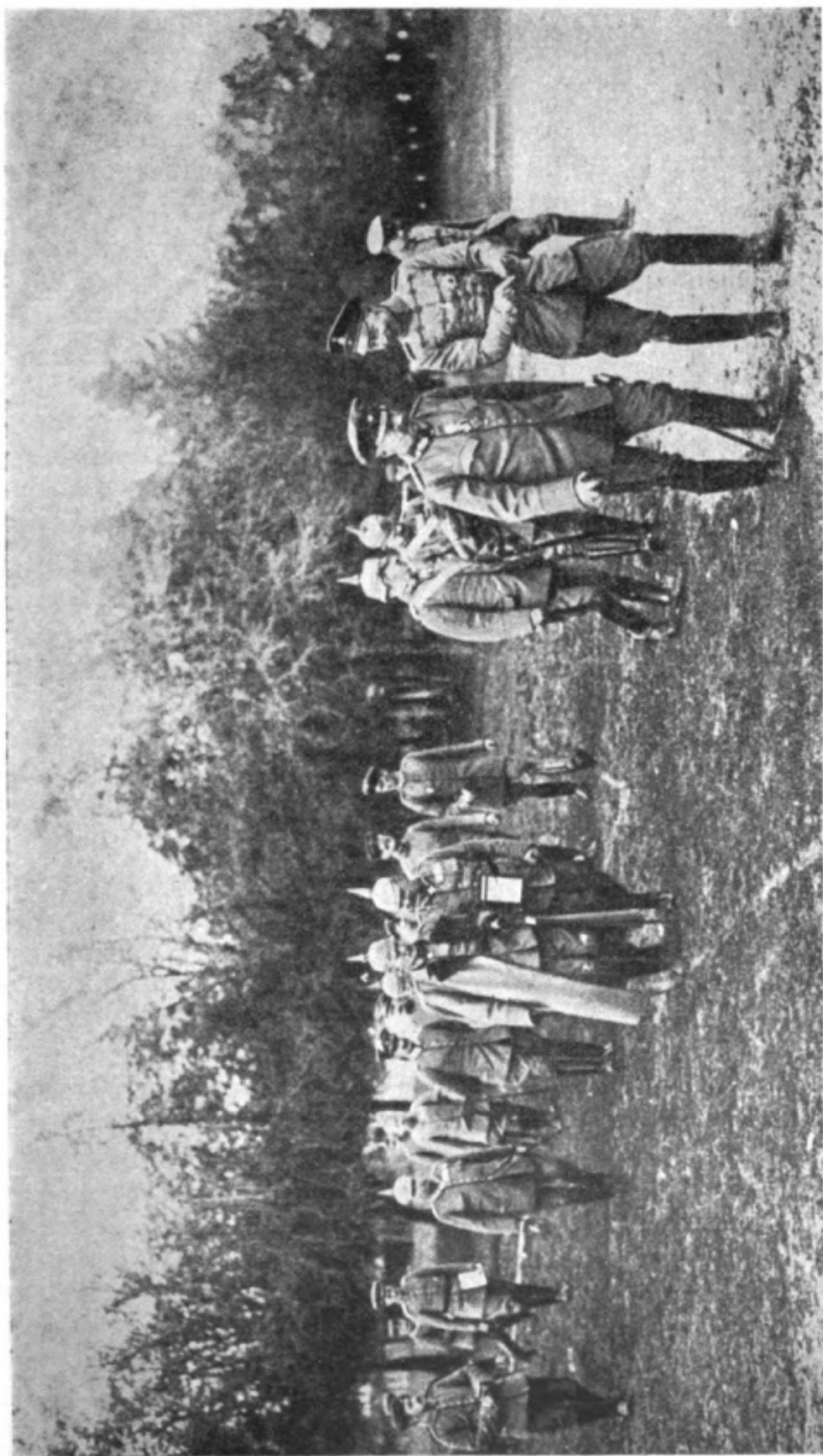
Въ Японскую войну очень жаловались на формированіе частей съ запасными въ значительномъ количествѣ. Невольно и теперь возникаетъ вопросъ, каково нравственное состояніе частей, въ которыя взято много запасныхъ.

На этотъ вопросъ превосходный отвѣтъ даютъ дѣйствія 78 пѣхотной дивизіи, которая находилась въ указанномъ выше составѣ въ сраженіи подъ Равой Русской,—гдѣ австрійцы занимали почти неприступныя позиціи.

На эти позиціи нѣкоторыя части старыхъ формированій свершали атаки и не совсѣмъ успѣшно.

Разсказываютъ, что какой-то начальникъ, объѣхавъ ряды дивизіи и подбодряя солдатъ, громко крикнулъ: „неужели и 78-я не возьметъ“, какъ одинъ человекъ встала 78 пѣхотная дивизія, и громовое «ура!» покрыло ужасающій ревъ стрѣльбы. Ни страшный огонь противника, ни ужасающія потери, ни неприступныя позиціи непріятеля, ничто не могло остановить 78 пѣхотную дивизію, и она молодецкимъ налетомъ овладѣла грозной позиціей непріятеля.

Подъ 18 сентября въ замѣткахъ прошлаго мѣсяца забылъ передать грандіозныя манифестаціи, которыми былъ удостоенъ

Наші враги.
Саксонскій король и германскій кронпринцъ, съ главной квартирой, во время октябрьскаго наступленія къ Варшавѣ.

на концертъ Долиной въ этотъ день министръ иностранныхъ дѣлъ С. Д. Сазонова.

Слышалъ разсказъ одного изъ начальниковъ нашихъ сибирскихъ желѣзныхъ дорогъ о слѣдованіи плѣнныхъ по Сибири.

Австрійскіе плѣнные, по большей части, веселые, а германскіе молчаливые—послѣдніе постоянно сидятъ нахохлившись.

Германцы и австрійцы не хотятъ ѣхать вмѣстѣ въ одномъ вагонѣ и просятъ ихъ рассадить порознь. Если приходится имъ сидѣть вмѣстѣ въ одномъ вагонѣ, то между ними постоянно бываютъ отчаянныя побоища.

На одну изъ желѣзнодорожныхъ станцій, въ которой сидѣли австрійскіе плѣнные офицеры, взшелъ начальникъ дороги со своими подчиненными; австрійцы мгновенно встали и отдали честь, а затѣмъ обернулись въ сторону русскихъ офицеровъ и тоже отдали честь, а затѣмъ уже сѣли.

2—16 октября. Наши враги, германцы, сосредоточивши значительныя силы, перевезенныя частью съ французской границы, а частью, усиленныя новыми формированіями, которыя они фабрикують, отчасти выдѣляя кадры изъ дѣйствующихъ войскъ, а также изъ 450 запасныхъ баталіоновъ, 116 запасныхъ эскадроновъ и 300 запасныхъ батарей, и пополняютъ ихъ до штатнаго состава людьми ландвера и ландштурма.

Съ этими войсками съ добавкомъ отъ австрійской арміи они начали, въ началѣ октября, наступленіе на Варшаву. Вильгельмъ поставилъ цѣлью своимъ войскамъ взять Варшаву. Въ этомъ смыслѣ были составлены горячительные приказы кайзера, найденные при германскихъ плѣнныхъ и убитыхъ.

Германцами уже былъ заготовленъ новый круль польскій саксонскій король Фридрихъ III Августъ. Онъ тоже слѣдовалъ при германскихъ войскахъ, со всѣмъ своимъ придворнымъ штатомъ, дабы занять въ Варшавѣ престолъ своихъ предковъ. Съ нимъ вмѣстѣ въ Варшаву направился германскій кронпринцъ, командовавшій одной изъ германскихъ армій.

Фотографическій аппаратъ воспроизвелъ одно изъ положеній слѣдованія къ Варшавѣ новаго польскаго короля вмѣстѣ съ германскимъ кронпринцемъ. Впереди идетъ кронпринцъ, а за нимъ саксонскій король. Фотографія не польстила высокопоставленнымъ лицамъ Германіи. Германскій кронпринцъ одно изъ неудачныхъ произведеній Императора Вильгельма II. Онъ не отличается высокими умственными качествами—изумительно упрямъ, и считается въ Германіи главой воинствующей

щей партіи, толкнувшей Германію на войну съ Россіей. Онъ помѣшанъ на Наполеонѣ; весь кабинетъ его заставленъ портретами и статуэтками великаго корсиканца, а самъ кронпринцъ считаетъ себя современнымъ Наполеономъ.

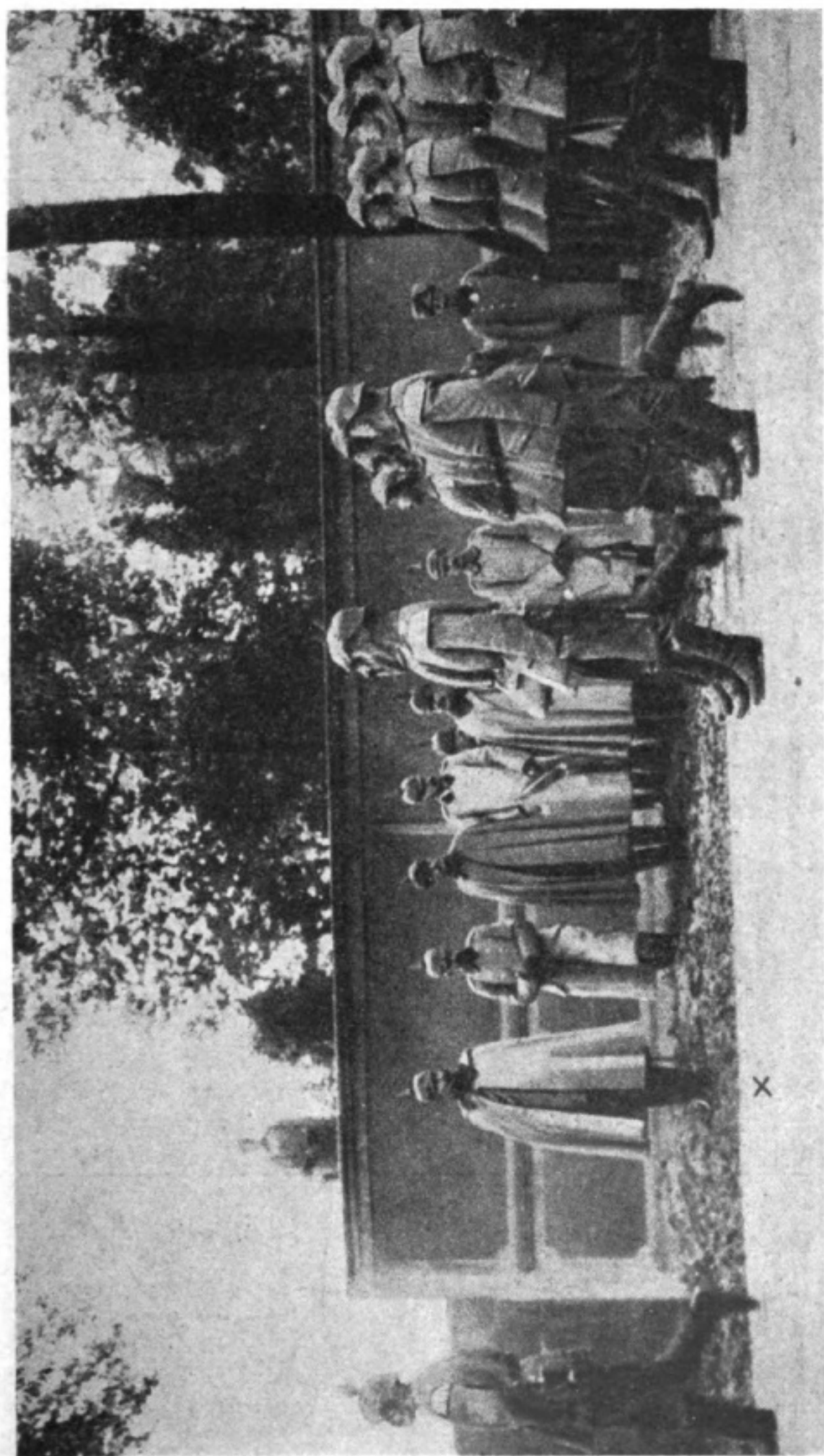
Саксонскій король отличается большой физической силой и популярностью въ своей странѣ. Про него рассказывали, что однажды во время прогулки, когда онъ былъ въ статской формѣ, при немъ опрокинулся возъ съ мясными тушами. Король помогъ поднять возъ и за это получилъ одобрителный отзывъ отъ незнавшаго короля мясника такого содержанія: „Видно, братъ, что ты изъ нашего цеха“.

Въ это же самое, октябрьское, время, самъ кайзеръ не преминулъ произвести одному изъ полковъ церемоніальный маршъ, и фотографическій снимокъ изобразилъ кайзера въ фигурѣ командора въ походной накидкѣ, и боевыхъ солдатъ, усиленно отбивающихъ ногами тактъ церемоніального марша.

Верховное руководство германскими операціями ушло изъ рукъ ген. фонъ-Мольтке и перешло въ руки ген. Фалькенгауна, четыре года тому назадъ командовавшаго 4-мъ германскимъ гвардейскимъ полкомъ. Мольтке былъ крайне неугодеиъ германскому кронпринцу, такъ какъ онъ неизмѣнно говорилъ о военныхъ способностяхъ баварскаго кронпринца Рупрехта, являвшагося боевымъ соперникомъ германскаго кронпринца. Изъ самыхъ старыхъ германскихъ генераловъ еще усидѣлъ на своемъ посту управителя Бельгіи только одинъ фельдмаршалъ фонъ-деръ-Гольцъ.

Стали выдвигаться сравнительно молодые генералы и во главѣ ихъ генералъ полковникъ Гинденбургъ, стяжавшій германскую славу за дѣйствія противъ войскъ ген. Самсонова. Онъ тогда командовалъ войсками въ восточной Пруссіи и представилъ въ Берлинъ очень скромную реляцію объ этомъ дѣлѣ, которую въ Берлинѣ очень скоро перекроили въ необычайный триумфъ. Несмотря на свои пораженія на Нѣманѣ и Сувалкскихъ лѣсахъ, слава Гинденбурга не уменьшилась, и онъ былъ назначенъ главнокомандующимъ союзныхъ войскъ, наступающихъ къ Варшавѣ.

Планъ его наступленія на Варшаву повидимому заключался, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы дѣйствовать на неприятельской территоріи, возможно долѣе удерживать русскихъ отъ страшно кошмарнаго для германцевъ, наступленія изъ германской территоріи на столицу Германіи.

Наш и враги:
Германский императоръ принимающій въ своей главной квартирѣ парадъ саксонскаго ландвернаго полка.

Настоящій начальникъ германскаго генеральнаго штаба генералъ Фалькенгаунъ.

Прежній начальникъ германскаго генеральнаго штаба — генералъ фонъ-Мольке.

Н а ш и в р а г и :

Всѣ изощренія германской техники должны быть тутъ применены: и тяжелая артиллерія, и цеппелины, и аэропланы, и бомбометанія съ неба надъ нашими войсками и столицей Польши.

Германцы были вполне увѣрены въ томъ, что они возьмутъ Варшаву: нѣкоторые изъ германскихъ офицеровъ оставляли свои вещи, въ занятыхъ ими пунктахъ, съ указаніемъ, въ какую Варшавскую гостиницу ихъ надлежитъ доставить.

Громадные запасы теплой одежды въ Лодзи остались не разграбленными только потому, что лодзинскія издѣлія полушерстяныя, а нѣмцы рассчитывали одѣться во все шерстяное въ самой Варшавѣ.

Съ начала октября стали развиваться упорные бои на галиційскомъ фронтѣ къ югу отъ Перемышля, а соединенная австро-германская армія начала стремительное наступленіе на фронтѣ Калишъ, Ченстоховъ, Олькушъ и подошла къ средней Вислѣ, въ районѣ Козенець-Варшава, придвинула свою тяжелую артиллерію и усиленно укрѣпила свои позиціи.

Въ это время русской арміи, только-что прикончившей съ австрійцами, пришлось свершить перегруппировку нашихъ силъ на правомъ берегу Вислы для противодѣйствія наступленію германцевъ. Для этого русскимъ войскамъ приходилось свершать большіе переходы по страшно грязнымъ дорогамъ¹⁾. Затѣмъ наши перешли Вислу у Козенець и стали постепенно расширять плацдармъ на лѣвомъ берегу рѣки. Непрiятель оказывалъ отчаянное сопротивленіе на своей усиленно укрѣпленной позиціи, передъ Варшавскимъ райономъ и въ особенности въ районѣ Блоне-Пасечно. Германцы переходили въ энергичныя контръатаки. Послѣ семидневныхъ боевъ подъ Варшавой германцы въ ночь на 7 октября начали очищать свои позиціи, укрѣпленныя чрезвычайно тщательно, прикрываясь сильными арьергардами, которые наши войска стали энергично преслѣдовать.

Одинъ изъ нашихъ самыхъ талантливейшихъ корреспондентовъ В. И. Немировичъ-Данченко вскорѣ послѣ боя видѣлъ укрѣпленія, за которыми находились нѣмцы. На лѣвомъ берегу Вислы онъ былъ пораженъ несмѣтнымъ количествомъ нѣмецкихъ укрѣпленій, ихъ силой, необычайнымъ количествомъ загражденій передъ ихъ позиціями. По его словамъ²⁾, „весь этотъ

¹⁾ Войскамъ нашимъ приходилось дѣлать громадные переходы, подъ сильнымъ дождемъ и по глубокой липкой грязи, доходившей до голенища, а иногда и до кармана шароваръ, а лошадямъ до самого брюха.

²⁾ „Рус. Сл.“ № 240 с. г.

семидневный бой состоялъ изъ непрерывныхъ ночныхъ и дневныхъ штыковыхъ ударовъ:

„Они почти не прекращались. Здѣсь нашихъ солдатъ нельзя было удержать. Нѣмцы говорятъ: „Мы не могли представить себѣ такое боевое одушевленіе“. Гасли инстинкты жизни, горѣла въ душахъ славныхъ бойцовъ только неутомимая жажда побѣды. Никто не жалѣлъ себя. Шли въ атаку перебѣжками отъ окопа къ окопу, а по открытымъ мѣстамъ уже не прятались, стараясь только объ одномъ,—какъ бы скорѣе нащупать штыками врага. Казалось, этимъ истиннымъ богатырямъ нѣтъ ни усталости, ни голода. Охотнѣе шли въ ночномъ туманѣ. Въ эту войну мы часто атакуемъ именно такъ. Нѣмцы, чтобы видѣть приближающіеся наши ряды, жгли окрестныя села. Ихъ багровое зарево ложилось на лица нашихъ солдатъ; точно на роковую встрѣчу шли сказочные, кованые изъ красной мѣди витязи. Ихъ не остановили особыя проволочныя, низкія у самой земли, загражденія, которыхъ нельзя было ни видѣть, ни предвидѣть. Въ отблескахъ пожарища, въ мгlistой дымкѣ дня атаки повторялись за атаками. Отбивались однѣ,—повторялись другія. Казалось, останься одинъ человекъ,—онъ также повторилъ бы это на вѣрную смерть. Солдаты сами соображали, гдѣ сила удара отъ потерь гаснетъ. Они бросались туда, подпирая слабѣющихъ товарищей. Въ первую же половину его наши отняли двѣнадцать орудій, наиболѣе опасныхъ для насъ. Надо отдать справедливость нѣмцамъ,—дрались они какъ львы, но не могли устоять противъ неодолимаго натиска этихъ сѣрыхъ цѣпей. Непрiатель, какъ, спѣлая нива, падалъ подъ штыками. Наконецъ, прикрывъ свое отступленіе злополучными австрійцами, германцы отошли ночью въ порядкѣ.

Надо было видѣть окопы непрiателя и площадки ихъ редутовъ. Все это завалено трупами во всѣхъ направленіяхъ. Одни точно застыли, уползая отсюда, другіе еще держались у земляныхъ стѣнъ, третьи падали рядомъ и поперекъ нашихъ солдатъ. Были точно обнявшіеся, и съ незрячихъ уже лицъ еще не сбѣгали послѣднія гримасы мучительной смерти“.

Во время нашего наступленія захвачено значительное число плѣнныхъ и орудій. Близъ Ловича былъ взятъ нашимъ развѣдомъ въ плѣнъ церемоніймейстеръ саксонскаго короля Гаукъ, который ѣхалъ по шоссе въ автомобилѣ, не предполагая встрѣтиться съ русскими. Нашъ развѣздъ окружилъ автомобиль, въ которомъ, въ обморочномъ состояніи, съ поднятыми руками, лежалъ церемоніймейстеръ.

Н а ш и в р а г и :
Генералъ Гинденбургъ, германскій главнокомандующій противъ Россіи.

Онъ былъ долженъ вступать вмѣстѣ съ саксонскимъ королемъ въ Варшаву.

Во время боевъ подъ Варшавой былъ убитъ одинъ изъ нѣмецкихъ принцевъ или одинъ изъ высшихъ генераловъ ¹⁾. Изъ ставки подъ Гленевымъ, подъ сильнымъ кавалерійскимъ конвоемъ былъ вывезенъ въ автомобилѣ трупъ, тщательно завернутый въ полотно.

На дворѣ и въ саду ставки стояли автомобили съ короной.

„На такомъ автомобилѣ нѣсколько разъ проѣзжалъ молодой человекъ, котораго всегда окружали генералы. За два дня до отступленія нѣмецкой арміи отъ Варшавы мимо Скерневиць снова проѣхалъ автомобиль съ короной, и въ немъ везли трупъ, завернутый въ бѣломъ. На подножкахъ стояли офицеры, поддерживавшіе носилки. Въ Скерневицахъ былъ купленъ лучшей гробъ, въ него переложили таинственный трупъ и отправили по желѣзной дорогѣ въ Германію. Вагонъ былъ убранъ елками, зеленью и германскими флагами“.

Германцы въ бояхъ подъ Варшавой понесли страшныя потери. Для того, чтобы скрыть эти потери, ночью, на обывательскихъ подводахъ, трупы убитыхъ увозили за нѣсколько верстъ и ночью погребали ихъ въ пустыряхъ, лѣсахъ и кустахъ. Трупы раздѣвали донага. Яму закапывали, по ней проходили солдаты, исполнявшіе эту работу, и никакихъ признаковъ могилъ не оставляли. Послѣ 10 и 11 октября на путяхъ къ Радому, а также въ лѣсахъ между Радомомъ и Ковенецъ нѣмцы стали оказывать упорное сопротивленіе нашимъ войскамъ.

Въ Галиціи австрійцы повели бои съ меньшей энергіей.

Въ Восточной Пруссіи германцы переходили въ наступленіе, къ Бакаларжево, но неудачно.

15-го октября было окончательно сломлено сопротивленіе нѣмцевъ въ Завислянскомъ фронтѣ, и всѣ германскіе и австрійскіе корпуса начали отступленіе.

17 октября. Вчерашняго числа суда турецкой эскадры „Гебенъ“, „Бреслау“, „Гамидіе“ и флотилія миноносцевъ, безъ объявленія войны, произвели разбойническое, ночное нападеніе на Одессу, Феодосію и Новороссійскъ.

Рассказываютъ, что чины турецкой эскадры только при входѣ въ самое Черное море распечатали конверты и прочли задачу, имъ поставленную, даже члены турецкаго правительства были о томъ неосвѣдомлены.

¹⁾ „Веч. Вр.“ 17 окт.

Продажная, младотурецкая партія, съ Энверомъ-пашей во главѣ, получивъ хорошій германскій бакшишъ, повела свою родину къ гибели.

Наконецъ таки сложилась благопріятная для Россіи развязка жизненнаго вопроса о проливахъ. И русская армія, и русскій флотъ, и русская дипломатія съумѣютъ прибить русскій щитъ къ вратамъ Царьграда, водрузить крестъ на Святой Софіи, положить ключи отъ Босфора и Дарданеллъ въ русскій карманъ, а также получить достаточную полосу земли для обезпеченія проливовъ по обоямъ ихъ берегамъ.

Подъ восьмымъ октября позабылъ записать одно изъ выдающихся событій русской жизни. Это—манifestація русскаго студенчества въ Петроградѣ и по всей Россіи по поводу призыва значительной части студенчества въ ряды дѣйствующей арміи и отмѣны отсрочекъ по образованію.

Въ этотъ день утромъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Петрограда оживленно обсуждался вопросъ о только что вышедшемъ, но уже давно ожидаемомъ, законоположеніи.

Въ эту тяжелую годину испытаній наша студенческая молодежь наглядно показала, какъ она достойна великой Россіи и что надо ожидать отъ нея въ будущемъ нашей родинѣ.

Вся эта молодежь объединилась въ одномъ героическомъ общемъ чувствѣ пожертвовать самое лучшее благо, какое имѣетъ человѣкъ, жизнь, за дорогую всѣмъ родину.

Изъ зданія Петроградскаго университета, другихъ учебныхъ заведеній, а также изъ Лѣснаго института шла многочисленная толпа студентовъ всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній, съ портретами Государя Императора, Государыни и Наслѣдника, съ національными и союзническими флагами, съ пѣніемъ гимна, „Спаси, Господи“, съ криками „ура“ по Невскому, Невскимъ набережнымъ и улицамъ, гдѣ помѣщались союзническія посольства. Публика горячо привѣтствовала студентовъ, и изъ оконъ многихъ домовъ на нихъ бросали цвѣты. Проѣзжающихъ военныхъ манифестанты встрѣчали единодушнымъ „ура“. У Аничкова Дворца, зданія военнаго министерства и Зимняго дворца торжественно и внушительно пѣли „Боже, царя храни“. У Зимняго Дворца всѣ студенты какъ одинъ человѣкъ, съ пѣніемъ „Спаси, Господи, люди твоя“ пали на колѣни, затѣмъ раздался нашъ могучій, мелодическій, народный гимнъ, громко и повтoреннѣй. Окна Главнаго штаба раскрылись и оттуда понеслось на площадь громкое „ура“. Затѣмъ толпа пошла къ союзнымъ посольствамъ, англійскому, японскому, французскому,

бельгійскому и сербскому; пословъ и чиновъ посольства студенты привѣтствовали громкими криками и „ура!“.

Особенно сердечными оказались оваціи у французскаго посольства, гдѣ самъ посоль г. Палеологъ цѣловалъ студентовъ и оказался на ихъ рукахъ, а также у сербскаго посольства, гдѣ г. Спалайковичъ, сербскій посоль, подошелъ къ портрету Государя Императора и поцѣловалъ его.

Это шествіе студентовъ по улицамъ Петрограда, въ составѣ нѣсколькихъ тысячъ, продолжалось отъ двухъ часовъ дня до 8 вечера.

То же было и въ другихъ городахъ Россіи, гдѣ находились высшія учебныя заведенія.

Необычайныя событія выдвигаютъ необычайныхъ людей. Такъ и теперь, въ настоящую, великую войну, отчетливо выдѣлилась дѣятельность двухъ крупныхъ русскихъ людей, хотя и не принадлежащихъ непосредственно къ самому составу нашей доблестной арміи, но по характеру ихъ работы съ нею связанныхъ. Эти лица уже достаточно извѣстны Россіи, по ихъ прежней, общественной дѣятельности, но теперь, благодаря ихъ необычайному уму, изумительной энергіей и дивной инициативѣ во всемъ—оба они стали высоко и высоко надъ другими.

Первый изъ нихъ Г. Е. Львовъ, главный руководитель Всероссійскаго, земскаго союза. Этотъ человекъ необычайной энергіи и дивной инициативы уже былъ во главѣ общеземской организаціи при всероссійскомъ голодѣ и въ русско-японскую войну. И теперь въ настоящую войну онъ, пользуясь особымъ довѣріемъ общества и правительства, взялъ въ свои могучія руки заготовку по оборудованію земскихъ лазаретовъ по всей Россіи, организацію земскихъ поѣздовъ для вывоза раненыхъ, организовалъ земскіе летучіе питательные пункты, заготовилъ теплую одежду для раненыхъ и общеземскихъ поѣздовъ. Земства послали въ его распоряженіе значительныя средства, правительство дало громадныя ассигнованія.

Заготовки всего производились въ Москвѣ, всѣ рѣшенія проходили мгновенно, безъ канцелярской волокиты.

Москва сдѣлалась центромъ колоссальной земской заготовки, сюда отовсюду закупалось необходимое для лазаретовъ бѣлье, медикаменты и запасы.

Здѣсь помѣщались громадныя мастерскія, на которыхъ работали тысячи рабочихъ, здѣсь въ манежахъ устраивались громадныя склады.

Изъ Москвы князь Львовъ направилъ всѣ эти заготовки по всей Россіи и по всей русской арміи.

И каждый изъ этихъ посланныхъ предметовъ былъ прекрасно изготовленъ изъ прекраснаго матеріала. Особая комиссія, съ профессоромъ Федоровымъ во главѣ, тщательно осматривали и провѣряли каждый предметъ. Громадное вліяніе имѣлъ кн. Львовъ на другія провинціальныя земскія организаціи, вдохнувъ въ нихъ свой могучій духъ и инициативу въ мѣстной ихъ работѣ.

Про другого дѣятеля упомянемъ впоследствии.

Весь составъ нашей дѣйствующей арміи проникнутъ самымъ высокимъ религіознымъ настроеніемъ. Передъ боемъ поютъ молитвы всѣ вмѣстѣ, молятся на колѣнахъ, а въ самый бой идутъ впередъ съ просвѣтленными лицами, съ однимъ желаніемъ побѣдить или умереть.

Въ такомъ высокомъ христіанскомъ состояніи духа и сама смерть является сравнительно легкой, чѣмъ въ мирное время.

Въ одномъ изъ писемъ одного офицера изъ дѣйствующей арміи приводится трогательное описаніе смерти простого русскаго солдата.

„Въ послѣднихъ бояхъ я видѣлъ примѣръ настоящей глубокой христіанской смерти русскаго солдата. Я ѣхалъ на развѣдку, когда увидѣлъ лежащаго на спинѣ, раненаго солдатика, по всѣмъ признакамъ совершенно безнадежнаго. Замѣтивъ меня онъ сдѣлалъ почти неимовѣрное усиліе и поманилъ меня. Хотя я очень торопился, но слѣзъ съ лошади, передалъ ее вѣстовому и, подойдя къ раненому, наклонился надъ нимъ. Онъ тихо прошепталъ однѣми губами: „Ваше благородіе, крестикъ снимите съ меня, достать не могу“. Съ трудомъ снялъ я съ его шеи крестъ съ цѣпочкой и передалъ ему въ руки. Грудь у него была вся вдавлена, очевидно, осколкомъ гранаты, и бинты совершенно промокли отъ крови. Увидѣвъ свой крестъ, онъ весь затрепеталъ и, взявъ въ лѣвую руку цѣпочку, а въ правую крестъ, довольно внятно началъ читать „Отче нашъ“. Но послѣ первыхъ же словъ голосъ его сталъ ослабѣвать и, дочитавъ молитву до середины, онъ затихъ. Я взялъ его за руку, но пульсъ уже не бился. Между тѣмъ, руки его все еще продолжали сжимать крестъ, а глаза такъ и остались устремленными на Распятіе. Такъ отошелъ онъ въ вѣчность, смотря

на крестъ распятаго Христа. Я перекрестился и не могъ безъ слезъ отойти отъ этого сѣраго, безвѣстнаго героя земли Русской.“

18—20 октября. Германцы на восточно-прусскомъ фронтѣ производили отчаянныя атаки на Бакаларжево и Владиславлево, которыя были отбиты съ большими для нихъ потерями. Затѣмъ нѣмцы стали отходить къ своимъ границамъ.

Австрійцы повсюду отступаютъ, а на Кавказѣ наши войска вторгаются въ предѣлы Турціи.

21—23 октября. 20-го Государь Императоръ прибылъ въ Дѣйствующую Армію, на слѣдующей день былъ взятъ у австрійцевъ Сандоміръ, а 23-го было въ ставкѣ Главнокомандующаго молебствіе въ Высочайшемъ присутствіи по случаю одержанныхъ русской арміей побѣдъ.

25-ю октября. Взята нами Млава. Германцы за Вислой находятся въ полномъ отступленіи. Австрійцы также повсюду поспѣшно отходятъ назадъ.

Въ одной корреспонденціи ¹⁾ приведенъ интересный разсказъ одного рядового, взявшаго въ плѣнъ нѣмца въ бояхъ въ Сувалскихъ лѣсахъ. Разсказъ этотъ дословно приводимъ:

„Идемъ, идемъ, съ нѣмцемъ—ничего не слышно. Даже выстрѣлы прекратились. Заблудились,—повернули въ другую сторону,—прошли нѣсколько верстъ,—тоже ничего. Сталь я голосъ давать—никто не отвѣчаетъ.

Въ это время стало темнѣть. Въ лѣсу тихо, тихо, инда морозъ отъ страха по спинѣ пробѣгаетъ. Ну,—говорю нѣмцу,—остановимся, отдохнемъ.

Сѣли мы подъ деревомъ и молчимъ. Вдругъ слышу, кто-то зубами щелкаетъ. Сначала подумалъ, что нѣмецъ. Гляжу на него и вижу, что малый заснулъ. Не онъ, значитъ. Смотрю, между деревьями чьи-то глаза блестятъ. Вглядываюсь,—такъ и есть,—волки. Все ближе и ближе подступаютъ. Разбудилъ нѣмца, показываю на волковъ, увидѣлъ ихъ, затрясся, да какъ закричить.

Горько мнѣ тутъ стало. Въ девяти сраженіяхъ участвовалъ, да раненъ не былъ, а тутъ волки заѣдятъ...

— Вставай,—говорю,—нѣмецъ, будемъ защищаться.

Даль я ему свою шашку, а самъ винтовку взялъ въ руки. Вотъ тутъ-то я пожалѣлъ, что пуль нѣтъ. Ну, да, думаю, ничего, штыкомъ справлюсь.

¹⁾ „Бирж. Вѣд.“ отъ 25 окт. с. г.

Стоять волки кругомъ, а броситься не рѣшаются. Наконецъ, одинъ большой, матерый совсѣмъ близко подошелъ. Глаза такъ и горять, а изъ пасти языкъ свѣшивается. Бросился я на шагъ впередъ, да и всадилъ ему штыкъ въ бокъ. Завизжалъ по-собачьи, упалъ, потомъ поднялся и къ своимъ побѣжалъ.

Стоимъ это мы съ нѣмцемъ подъ деревомъ и дрожимъ, а вдругъ всѣ сразу бросятся! А волки ужъ выть начали. Ну, короче говоря, сидѣли они сидѣли, да вдругъ какъ всѣ бросятся. Я сталъ прикладомъ отбиваться. То вправо, то влево, какъ косою траву сметаю. Гляжу на моего нѣмчика, а у него глаза разгорѣлись, шашкой такъ по головѣ волка и колотить. Отступили волки, отбѣжали шаговъ на десять и сѣли. Только завываютъ тихонько себѣ.

— Молодецъ,—говорю,—нѣмецъ! Хорошо работалъ.

А онъ мнѣ на руку показываетъ. Вся красная, кровь такъ ручьемъ и льется. Съ опаской присѣли мы, вытащилъ я носовой платокъ и перевязалъ руку нѣмцу, какъ умѣлъ. Здорово его волкъ за руку схватилъ. А онъ сидитъ, смотритъ на меня и всѣ лепечетъ:

— Данке, данке...

— Потомъ,—говорю,—нѣмецъ поблагодаришь, а теперь давай смотрѣть, какъ бы волки не сѣли.

А волки себѣ смирихонько сидятъ, только жадными глазами смотрятъ. Видно, мало голодны были, что броситься боялись. Долго мы такъ сидѣли. Ко сну клонило здорово, но мы крѣпились. Наконецъ, свѣтать стало.

— Пойдемъ,—говорю,—нѣмецъ!

Встали мы и пошли. Волки въ сторону шарахнулись. Прошли нѣсколько шаговъ, слышимъ, рычатъ что-то. Оглянулись и видимъ, они убитаго волка грызутъ.

Скоро мы нашихъ повстрѣчали. Разказалъ я имъ все.—Счастливъ вашъ Богъ, говорятъ, что цѣлы остались.

Сдалъ тутъ я имъ нѣмца, а самъ свою часть разыскивать пошелъ. Нѣмецъ, прощаясь, все мою руку трясъ. Обрадовался, бѣдняга, что живъ остался“.

26 октября. Въ Петроградѣ замѣчается поразительное явленіе: на улицахъ совсѣмъ нѣтъ нищихъ—съ прекращеніемъ продажи вина нищіе съ улицъ исчезли.

Здѣсь въ Петроградѣ стали получаться открытыя письма отъ плѣнныхъ изъ Германіи. Письма эти напечатаны въ Германіи, по-русски, съ обозначеніемъ адреса. Для содержанія письма оставлено мало мѣста. Сообщаются данныя о томъ, что

плѣнныхъ нѣмцы хорошо содержатъ. На одномъ посылающимъ письмо было прибавлено: сохраните марку на память, а когда въ Петроградѣ стали отклеивать марку, то подъ маркой оказались написанныя по-русски слова: „мы здѣсь страшно голодаемъ“.

27 октября. Удивительныя дѣла творятся, по словамъ „Новаго Времени“, въ петроградской женской гимназiи Кебке ¹⁾: гдѣ несмотря на строгій выговоръ за преобладанiе въ гимназiи нѣмецкаго языка надъ русскимъ, никакихъ существенныхъ измѣненiй до сихъ поръ не произошло. Та же нѣмецкая рѣчь во время классныхъ перерывовъ, то же особенно старательное изученiе нѣмецкаго языка и нѣмецкой литературы. Онѣмеченiе ученицъ доходитъ до того, что на урокѣ пѣнiя они разучиваютъ „Deutschland über alles“.

На чрезвычайномъ военномъ совѣтѣ подъ предсѣдательствомъ Вильгельма, по сообщенiю изъ Копенгагена, рѣшено двинуть всѣ свободныя войска противъ Россiи. Главное командованiе на нашемъ фронтѣ вручено кронпринцу, лѣвымъ крыломъ генералу Гинденбургу, правымъ — генералу Данкю.

Разсказываютъ, что на этомъ военномъ совѣтѣ происходили бурныя сцены между ген. Мольтке и кронпринцемъ. Послѣдствiемъ совѣщанiя былъ отъѣздъ Мольтке изъ дѣйствующей армiи.

29 октября. И въ этомъ мѣсяцѣ германцы отличались своими звѣринными свойствами, какъ и во все предшествующее время. Изъ ихъ позорныхъ, на этомъ поприщѣ, дѣянiй отмѣчено: разграбленiе имущества мирныхъ жителей въ г. Мариамполѣ, генералами, офицерами и солдатами и отвозъ награбленнаго имущества на автомобиляхъ въ предѣлы Пруссiи. Въ этомъ же городѣ три нѣмецкихъ велосипедиста ранили нашего отставшаго солдата, затѣмъ къ нему подошли два нѣмца съ повязками Краснаго Креста на рукавѣ и прикололи его штыками. Передъ уходомъ германцевъ изъ г. Радома они разстрѣляли казачьяго офицера и 4 казаковъ, заставивъ ихъ вырыть себѣ могилы, въ д. Чарновѣ Варшавской губернiи наши развѣдчики, въ количествѣ 11 человекъ, взятые въ плѣнъ, были разрублены на такiе куски такъ, что каждая отдѣльная часть не превышала четверти аршина, въ С. найденъ солдатъ, у котораго шуршалъ весь черепъ, разбитый въ кусочки, и изъ открытаго рта былъ

¹⁾ «Новое Время» 27 октября.

вырѣзанъ языкъ. И такіе случаи не единичные. Такихъ бывали сотни. Въ церквахъ были устроены конюшни, а изъ ризъ нѣмцы дѣлали попоны для лошадей. Въ Кальваріи германцы бросили въ отхожее мѣсто св. крестъ, евангеліе, чашу и дискось ¹⁾.

Одинъ изъ нѣмецкихъ вагоновъ былъ украшенъ такой надписью: „Если русская кровь польется дождемъ и французскія головы посыпятся, какъ снѣгъ, то мы будемъ просить Бога, чтобы Онъ продлилъ намъ такую погоду“.

30 октября. Относительно обращенія съ женщинами приведемъ дословно сказанія двухъ корреспонденцій ²⁾.

Первая излагаетъ событіе такъ:

„Въ одномъ изъ послѣднихъ нашихъ славныхъ боевъ съ германцами, когда доблестныя наши войска отгѣснили врага и заставили его бѣжать съ поля брани, передовой отрядъ Краснаго Креста послѣдовалъ за преслѣдовавшими непріятеля частями.

Отдѣлившись отъ своего отряда, сестра милосердія М., вмѣстѣ съ другою сестрою и двумя санитарями, замѣшкалась на покрытомъ трупами враговъ полѣ, осматривая мѣсто боя, въ надеждѣ найти кого-нибудь изъ оставшихся нашихъ раненыхъ.

Неожиданно изъ прилегавшаго къ полю лѣска выскочило нѣсколько германскихъ кавалеристовъ, во главѣ съ офицеромъ. Замѣтивъ, что въ травѣ копошатся одѣтыя въ бѣлое сестры милосердія, германскій офицеръ отдѣлился отъ своихъ солдатъ и поскакалъ прямо на сестеръ.

Подруга г-жи М. упала въ обморокъ. Безоружные санитары не знали, что дѣлать.

Подскакавъ къ г-жѣ М., германскій варваръ съ грубымъ смѣхомъ схватилъ ее за руки, перевязалъ кисти рукъ ремнемъ и, ударивъ нѣсколько разъ по спинѣ стекомъ, поволокъ за собою въ лѣсъ. Крики и стоны обезумѣвшей отъ ужаса сестры милосердія вызвали со стороны германскаго офицера новыя издѣвательства.

Г-жа М. считала себя погибшей. Ноги у нея подкосились, она повисла на ремнѣ, теряя сознание отъ боли и ужаса.

И вдругъ совершилось чудо...

Откуда ни возьмись, на полѣ появился казакъ. Услыхавъ крики дѣвушки и увидя, что германскій офицеръ волочить ее

¹⁾ „Новое Время“ 13, 20 и 22 окт. „Веч. Вр.“ 16 окт.

²⁾ „Бирж. Вѣд.“ 14 и 30 окт.

на ремнѣ за собой, казакъ съ пикой наперевѣсъ, что было духу, номчался на врага. Перепрыгивая черезъ трупы, кочки, окопы и канавы, казакъ летѣлъ, точно по воздуху.

Барваръ замѣтилъ погоню, поднялъ къ себѣ на сѣдло сестру милосердія и пришпорилъ лошадь... Поздно!.. Казакъ, какъ молнія, налетѣлъ, пика пронзила германца, и трупъ его свалился съ лошади.

Казакъ развязалъ руки сестры милосердія и сталъ приводить ее къ чувству.

Придя въ сознаніе, г-жа М. бросилась на колѣни, благодаря своего спасителя. Она хотѣла поцѣловать его руку, но казакъ не позволилъ и, поднявъ сестру съ колѣнъ, сказалъ:

— Помилуй, сестра, что-жъ я особеннаго сдѣлалъ? Ты Бога благодари, что я по близости ѣхалъ...

Потомъ заботливо посадилъ сестру на лошадь германца и отправился съ нею въ ближайшій подвижной госпиталь.

По дорогѣ сестра спросила, какъ зовутъ ея спасителя.

Второй разсказъ такого содержанія:

„Въ одномъ изъ германскихъ курортовъ начало войны застало молодую, красивую женщину, жену таможеннаго чиновника изъ пограничнаго городка Привислинскаго края, съ семилѣтней дѣвочкой.

Вмѣстѣ съ другими русскими попали онѣ въ Берлинъ и, какъ и другіе, были посажены въ тюрьму.

Мать и дочь были заключены въ отдѣльную камеру и подвергнуты самому строгому режиму.

Прошло нѣсколько дней, и въ камеру явился полицейскій офицеръ, начавшій допросъ, который сразу же принялъ специфическій характеръ, такъ какъ красота молодой женщины не могла не обратить на себя вниманія полицейскаго.

Допросъ закончился гнуснымъ предложеніемъ, которое нѣмецъ сдѣлалъ въ самыхъ циничныхъ выраженіяхъ въ присутствіи малолѣтней дочери несчастной и двухъ солдатъ, реагиравшихъ на „шутку“ начальства подобострастнымъ смѣхомъ.

Несчастливая молчала и только крѣпче прижала къ себѣ дѣвочку.

Разсерженный офицеръ вскочилъ и, отбросивъ дѣвочку къ стѣнѣ камеры, обнялъ молодую женщину. Раздалась звонкая пощечина, и офицеръ съ ругательствомъ отскочилъ отъ своей жертвы.

Еще черезъ секунду палачъ и солдаты удалились изъ камеры.

Поздно ночью уснули тревожнымъ сномъ несчастныя мать и дочь—уснули на голомъ полу, такъ какъ солдаты „забыли“ открыть поднятую на день койку.

Вдругъ въ окошечкѣ камеры показался свѣтъ, и дверь стала медленно открываться. Въ камеру, крадучись, вошло шесть чело­вѣкъ солдатъ.

Грудью навалился солдатъ на несчастную женщину, двое другихъ подняли на руки дѣвочку, а трое со смѣхомъ и шут­ками слѣдили за всѣми перипетіями отвратительнаго насилія.

У другой стѣны билась въ рукахъ палачей свидѣтельница всего этого—семилѣтняя дочь страдальцы.

Шесть разъ смѣнялись палачи, ругаясь надъ обезсилѣвшей жертвой, успѣвшей только выкрикнуть мольбу о томъ, чтобы лучше убили и дочь ея.

— Мы не разбойники,—отвѣтилъ нѣмецъ, державшій фо­нарь,—мы не убиваемъ арестованныхъ, а дочь ваша можетъ оставаться: не наше дѣло отрывать дѣтей отъ родителей!..

Когда, при свѣтѣ забрезжившаго утра, очнулась отъ глубо­каго обморока несчастная, не рыданье, а стонъ вырвался изъ изнуренной груди, а вслѣдъ за этимъ раздался дикій, истери­ческій хохоть...

Нѣмцы были гуманны. Они дали возможность матери, ли­шившейся разсудка, вернуться съ дочерью на родину.

Теперь ея страдальческій ледянящій душу хохоть, оглашаетъ стѣны одной изъ петроградскихъ психіатрическихъ больницъ“.

31 октября. Наши войска въ концѣ октября вступили въ Восточную Пруссію и заняли значительный раіонъ погранич­наго пространства, а отъ германской границы стало обозна­чаться наступленіе нѣмцевъ на привислянскій край.

Государь Императоръ, объѣзжая Дѣйствующую Армію, по­сѣтилъ Холмъ, Ровно и Люблинъ.

Петроградскому обывателю, присутствовавшему на знаме­нитомъ историческомъ засѣданіи Государственной Думы 20 іюля с. г., показалось очень страннымъ одно явленіе: въ этомъ засѣ­даніи всѣ народы Россіи и всѣ думскія партіи ограничились однимъ ораторомъ—депутатомъ, заявлявшимъ сгедо своей народ­ности, своей партіи. Одной только нѣмецкой партіи въ Россіи недостаточно было заявить свое сгедо рѣчью одного депутата. Одного было мало и трудно было понять почему.

Не мало дивился также обыватель, когда видѣлъ столбцы петроградскихъ газетъ, испещренныхъ опроверженіями предрѣжащихъ властей Балтійскаго края, старавшихся, зачастую совсѣмъ неудачно, доказать всѣми силами, что появившіяся въ громадномъ количествѣ корреспонденціи изъ Прибалтійскаго края не соотвѣтствуютъ истинѣ.

Гдѣ же тутъ правда для бытописателя? Исканіе этой правды и понудило его включить въ свои обывательскія сказанія ниже приведенный и краткій очеркъ изъ всего того громаднаго матеріала, *который уже былъ напечатанъ* въ газетахъ, лекціяхъ и сообщеніяхъ, *по возможности*, но не всегда, избѣгая названія мѣстности и упоминанія лицъ.

Во всемъ Прибалтійскомъ краѣ нѣмцы не составляютъ даже 10% населенія. Латыши, эстонцы и русскіе пользуются незначительнымъ вліяніемъ. Вся жизнь края захвачена нѣмцами. Все городское самоуправленіе принадлежитъ нѣмцамъ, все управленіе уѣздами находится въ ихъ рукахъ. Они играютъ повсюду первую роль, какъ въ административной, такъ и въ промышленно-торговой и культурно-просвѣтительной жизни страны. Въ ихъ рукахъ земля, биржа, банки, торгово-промышленныя предпріятія, нѣмецкая печать, нѣмецкія учебныя заведенія, лучшіе театры, музеи и масса нѣмецкихъ ферейновъ всѣхъ сословій.

Это достигнуто нѣмцами всѣми способами, и знакомствами, и связями, и „лояльностью“, и такъ называемымъ ими „культурнымъ превосходствомъ“.

Для усиленія нѣмецкаго вліянія основано было такъ называемое нѣмецкое общество (Дейчеръ Ферейнъ) „Deutscher Verein“, которое раскинуло свою дѣятельность на всѣ три губерніи Прибалтійскаго края. Черезъ всѣ начинанія общества красной нитью проходила одна тенденція превознесенія нѣмецкой культуры и всего нѣмецкаго.

Хотя Дейчеръ Ферейнъ и закрытъ официально, но еще неизвѣстно, прекратилась ли фактически его дѣятельность. Передъ войной въ Германіи очень рассчитывали на русскія неурядицы.

Въ отчетѣ Дейчеръ Ферейна за революціонный 1906 годъ (изданномъ въ Берлинѣ Das Deutschtum im Auslande) говорится, что разрѣшеніемъ союзовъ и введеніемъ мѣстнаго языка въ учебныхъ заведеніяхъ Прибалтійскаго края достигнуты весьма утѣшительныя данныя. Еще къ іюлю 1904 г. въ бал-

1) Чл. Гос. Думы деп. Мансырева „Русское Слово“ 13 окт.

тійскихъ провинціяхъ образовались 19 нѣмецкихъ союзовъ, при чемъ отчетъ оканчивается слѣдующими словами:

„Развитіе нѣмечества въ остзейскихъ провинціяхъ, въ короткое время, полутора лѣтъ, безъ сомнѣнія преисполнитъ каждого нѣмца гордостью и радостью“.

Интересны выдержки изъ двухъ нѣмецкихъ брошюръ Гейзера и Югансена. Изъ нихъ первый признаетъ, что балтійскіе нѣмцы въ своей борьбѣ за всѣ нѣмецкіе идеалы превзошли даже самыхъ пруссаковъ, а благодаря умѣлой школьной организаціи предохранили до сего дня, хотя и не безъ жертвъ, своихъ дѣтей отъ зачумленія (*Verseuchung*) ихъ всепроникающимъ духомъ обрусѣнія.

Второй говоритъ, что у каждого прибалтійскаго нѣмца отечествомъ является Россія, а матерью Германія. Дѣти должны не только не забывать матери, но обязаны особенно любить ее и оказывать посильную помощь. Родителямъ необходимо объединиться и выписать изъ Германіи хорошихъ профессоровъ, чтобы потомъ процвѣталъ настоящій германскій духъ.

Издающаяся въ Россіи газета *Rigasche Rundschau* (1908 г. № 122) пишетъ: „Правительствомъ ассигнуется на дѣло нѣмецкой школы и преподаванія за границей 850.000 марокъ“.

Какова наглость: газета, издаваемая въ Прибалтійскомъ краѣ въ Россіи, пишетъ, что правительство у нихъ германское.

Та же выходящая въ Россіи газета, сообщая о новыхъ цѣляхъ Дейчеръ Ферейна, пишетъ: „Новая высокая цѣль нѣмецкихъ національныхъ стремленій лежитъ въ упроченіи великой (новой) Германіи. Не въ смыслѣ политики крови и желѣза—спѣшить оговориться тутъ рижская газета.—Здѣсь можетъ идти рѣчь лишь о національной культурной и экономическо-политической дѣятельности, которая должна находиться въ тѣсной связи между собой и быть направлена къ навящему усиленію государственной мощи Германіи (!!)"

Въ послѣдніе годы по Прибалтійскому краю стали учреждаться общества для скупки земли. Эти общества, по капиталамъ своихъ учредителей, обладали небольшими средствами, а по своимъ оборотамъ скупали земли на громадныя суммы. Нашему крестьянскому банку, русскимъ, латышамъ, эстонцамъ землевладѣльцы подъ разными предлогами своихъ земель не продавали.

По словамъ сообщенія депутата Государственной Думы кн. Мансырева „въ послѣдніе годы помѣстное дворянство стало усиленно заниматься насажденіемъ нѣмецкой колонизаціи. Число

нѣмецкихъ колонистовъ въ Прибалтійскомъ краѣ въ послѣднее время сильно увеличилось. Помѣщики подъ всякими предлогами стараются расторгнуть контракты и выселить изъ своихъ имѣній эстонцевъ и латышей и заселить ихъ нѣмцами. Нѣмецкая колонизація въ Прибалтійскомъ краѣ пополняется частью переселенцами съ Поволожья, частью изъ Волынской губерніи, и въ незначительной степени—непосредственными выходцами изъ Германіи.

Въ результатъ въ настоящее время вся пограничная полоса съ Германіей сплошь заселена нѣмецкими колонистами. Въ послѣднее же время нѣмецкіе помѣщики почти совершенно изгнали изъ своихъ имѣній служащихъ эстонцевъ и латышей и замѣнили ихъ нѣмцами“.

По словамъ того же автора, а также и другихъ во многихъ имѣніяхъ управляющими имѣніями были офицеры запаса германской арміи, а служащіе германскіе подданные. Особенно много было нѣмцевъ лѣсниковъ; они ходили съ записными книжками, устраивали просѣки, рвы и канавы.

Нѣмецкимъ колонистамъ всеильные землевладѣльцы исключали снабженіе оружіемъ. Мѣстное населеніе утверждаетъ, что колонисты практиковались въ стрѣльбѣ и ходили на охоту стройными рядами.

Тѣ же мѣстные жители утверждаютъ, что въ прибалтійскихъ губерніяхъ нѣкоторыя лица производили сборы на германскій флотъ. Дорожныя карты одной изъ губерній со свѣдѣніями, которыхъ нехватаетъ въ картахъ нашего генеральнаго штаба, печатались въ Дюссельдорфѣ.

Въ этомъ же самомъ прекрасномъ краѣ графъ Цеппелинъ, строитель нынѣшняго воздушнаго, германскаго флота, нашель себѣ богатую супругу, растратилъ ея громадное состояніе на свои цеппелины, бросающіе въ настоящее время бомбы въ ряды русскихъ войскъ.

Въ этомъ же краѣ, несмотря на то, что 20 лѣтъ тому назадъ Дерптъ и Динабургъ переименованы въ Юрьевъ и Двинскъ, въ этомъ краѣ и теперь въ газетѣ Rigaer Tageblatt оба города называются Дорпатья и Динабургъ.

Въ этомъ же краѣ, въ послѣдніе годы передъ войной, въ приграничной полосѣ усиленно чинились дороги.

Объявлена была мобилизація въ Прибалтійскомъ краѣ. Сразу исчезла куда-то громадная масса служащихъ изъ нѣмецкихъ имѣній. Распоряженія по мобилизація мѣстнымъ начальствомъ извѣщались мѣстному населенію на непонятномъ латышамъ и

эстамъ германскомъ языкѣ. Въ то самое время, когда въ Россіи при призывѣ лошадей самый бѣдный крестьянинъ велъ свою послѣднюю лошадь и никогда не имѣлъ въ умѣ укрыть ее, въ то время въ Прибалтійскомъ краѣ нѣкоторые лояльные бароны лучшихъ фамилій, владѣльцы 50—100 лошадей, давали на войну по 2—3 лошади, остальные имъ оставлены были за негодностью.

Въ началѣ войны надъ Прибалтійскимъ краемъ стали появляться германскіе аэропланы и цеппелины, которые спускались въ нѣкоторыхъ мѣстахъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ были заготовлены особенныя каменные площадки. Мѣстные жители находили иногда германскіе аэропланы, къ тому мѣсту, гдѣ спустился аэропланъ, было доставлено 2 вагона бензина, по ночамъ производилась своеобразная сигнализациа при помощи медленно спускающихся ракетъ.

Когда у береговъ острова Эзеля показались германскія суда, то имъ открыто салютовали германскимъ флагомъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены вышки, на которыя все обращали вниманіе; изъ нѣкоторыхъ пунктовъ на берегу производилась сигнализациа съ моремъ.

Въ одной прибрежной, целлулоидной фабрикѣ, былъ обнаруженъ докъ для починки судовъ.

Такими лояльными дѣйствіями обнаружили балтійскіе нѣмцы свою приверженность къ своей родинѣ Россіи. Для того, чтобы окончательно опредѣлить эту лояльность, приведемъ двѣ нижеслѣдующія корреспонденціи.

Изъ нихъ въ первой значитса: „въ субботу, 30-го августа, въ Ригѣ былъ устроенъ день флаговъ. Къ вечеру публика собралась къ памятнику Петра Великаго, гдѣ игралъ военный оркестръ. Солдаты играли все, что угодно, только не гимнъ. Я спрашивала многихъ музыкантовъ: почему вы не играете гимна? Солдаты не отвѣчали, потупя голову. Наконецъ, я обратилась съ вопросомъ къ приставу, и отвѣтъ его показался мнѣ такимъ удивительнымъ, что я не могу не воспроизвести его точно: „имъ запрещено“¹⁾.

Другая корреспонденціа, не менѣе интересная первой, повѣствуетъ слѣдующее—это пишетъ относительно мѣстнаго книго-торговца одна рижанка-француженка: „Моя сестра, возвращаясь изъ Риги во Францію и желая приобрѣсти на память открытыя

¹⁾ Городской голова въ Виндавѣ называлъ патриотическую манифестацию 26 іюля въ Виндавѣ глупостью (Solche Dummheiten).

письма, зашла въ магазинъ „Balt...“ и попросила дать ей портреты de la famille Imperiale. Каково же было ея удивленіе, когда, по ея выраженію „avec beaucoup l'empressement“, приказчикъ вытащилъ ей изъ прилавка портретъ императора Вильгельма!..“

Оба эти факта настолько характерны, что разъясненій не требуютъ.

Очень интересно повѣствованіе корреспондента ¹⁾. „Весь Прибалтійскій край прекрасно соединенъ своими частями густою телефонною сѣтью. Всѣ имѣнія могутъ сносятся не только съ городами, но другъ съ другомъ и даже... съ Мемелемъ. И вотъ въ связи съ этимъ обстоятельствомъ нерѣдки такіе случаи: въ Россіи официально ничего не извѣстно еще о нашихъ дѣлахъ въ Восточной Пруссіи, а въ Прибалтійскомъ краѣ уже многое становится достояніемъ публики. Не говорю уже о городахъ, въ родѣ Риги, гдѣ недавно былъ даже задержанъ владѣлецъ одного книжнаго магазина за то, что на вывѣшенной въ витринѣ картѣ вполне правильно передвигалъ флаги за два дня раньше, чѣмъ ихъ можно было передвинуть по официальнымъ телеграммамъ... Въ Ригѣ былъ и другой случай, когда одинъ присяжный повѣренный В., у котораго сестра замужемъ за германскимъ офицеромъ, за цѣлыхъ три дня до полученія телеграммъ рассказывалъ знакомымъ о гибели трехъ англійскихъ крейсеровъ въ Сѣверномъ морѣ... И въ смыслѣ подобной осѣдомленности, нѣкоторые помѣщики выказываютъ также удивительную способность ясновидѣнія. Узнаютъ ли они о передвиженіи нашихъ и германскихъ силъ только во снѣ и черезъ гадалокъ, или же имъ просто-напросто сообщаютъ кое-что всезнающіе управляющіе—германцы, кто знаетъ?“

Прибалтійскіе нѣмцы очень любятъ указывать намъ, что въ настоящую великую войну они несутъ такія же матеріальныя жертвы, какъ и вся Россія, и что ихъ сыны кладутъ свои головы въ рядахъ русской арміи. Конечно, вѣроятно, матеріальныя пожертвованія балтійцевъ значительны, но мы ихъ не знаемъ ²⁾. Но чтобы они были бы такими же, какъ въ Россіи, въ этомъ позволительно усомниться.

Относительно попечительности о раненыхъ стяжала себѣ печальную извѣстность г. Рига, упорно не желавшій помѣстить

¹⁾ „Нов. Вр.“ 18 окт. с. г.

²⁾ Извѣстно намъ, что г. Митава ассигновалъ на помощь семьямъ запасныхъ всего 10 тысячъ рублей, а городское управленіе Фрауенбурга пожертвовало на Красный Крестъ 10 рублей.

нашихъ 400 раненыхъ госпиталя Петроградской Елисаветинской общины. Раненые были приняты только по повелѣнію Верховнаго начальника санитарной части.

Конечно, никто не сомнѣвается, что прибалтійскіе нѣмцы храбро сражаются и умираютъ въ рядахъ русскихъ войскъ, подъ державой Россійской.

Но вотъ что удивительно, что нѣкоторые члены прибалтійскихъ дворянскихъ фамилій сражаются въ рядахъ германскихъ войскъ, подъ державою Гогенцоллерновъ. Теперь ужъ начинаютъ проникать въ печать, какіе прибалтійскіе дворяне убиты въ германскихъ рядахъ и кто изъ нихъ награжденъ орденомъ желѣзнаго креста; фамиліи этихъ сражающихся противъ Россій въ настоящее время мы не знаемъ.

По словамъ корреспондента ¹⁾ въ Adressbuch'ѣ 1907 года ²⁾ служили въ германской службѣ: Адольфи Вильгельмъ, лейтенантъ. Баронъ ф.-Ашенбергъ, лейтенантъ. Бергенгрюнъ, Максъ, лейтенантъ. Бейзе, Пауль, лейтенантъ. Бурси, Отто, лейтенантъ и адъютантъ 2 пѣхотнаго полка. Брутцеръ, Фридрихъ, оберъ-лейтенантъ. Брутцеръ, Густавъ, лейтенантъ. Фонъ-д.-Декеиъ, Куртъ, лейтенантъ. Баронъ Дершау, лейтенантъ. Баронъ фонъ-Фирксъ, лейтенантъ. Геттенсъ, Артуръ, лейтенантъ. Баронъ Фрейтагъ, лейтенантъ. Баронъ Фрейтагъ, оберъ-лейтенантъ. Баронъ фонъ-Вигандъ, лейтенантъ. Фокъ-Голандеръ, лейтенантъ. Баронъ Гойнигенъ-Гюне, лейтенантъ. Ф.-Крузенштериъ, оберъ-лейтенантъ. Графъ Ламсдорфъ, флигель-адъютантъ. Баронъ Мершайдтъ, личный адъютантъ принца Фридриха-Вильгельма. Цантенніусъ, лейтенантъ. Фонъ-Петтерсонъ, лейтенантъ. Шиманнъ, лейтенантъ. Серафимъ, Викторъ, лейтенантъ. Графъ Стенбокъ, лейтенантъ. Баронъ Тизенгаузенъ, лейтенантъ. Фонъ-Тилингъ, оберъ-лейтенантъ. Баронъ Врангель, Ф., лейтенантъ.

В. П.

¹⁾ „Новое Время“, № 13860.

²⁾ Adressbuch für die ausserhalb ihrer Heimat lebenden Balten. Herausgegeben vom Verbands deutscher Balten in Darmstadt.